

ПЕРЕПИСКА ФЕТА и А. Н. МАЙКОВА (1884—1889)

Публикация А. Г. Гродецкой

Письма Майкова и Фета, публикуемые ниже, едва ли можно назвать перепиской в полном смысле слова. Переписки между поэтами, много лет знакомыми и связанными той эстетической близостью, которая в сознании современников сложилась в формулу «триады» (включавшей Я. П. Полонского), по сути не существовало. И в поздние годы, когда Майков и Фет отмечали 50-летие своей литературной деятельности, переписка, казалось бы, возникнув, могла продолжиться, но, как видно из немногих писем, продолжения не получила.

Что было тому причиной, сказать трудно. Аполлон Майков не любил писать письма, в чем постоянно признавался своим корреспондентам, утверждая, что не умеет их писать, не владеет эпистолярным стилем. «Мне кажется, что я еще ни одного письма не начинал иначе, как извинением, что не писал — или вовсе, или давно», — сообщал он, например, своей кузине Ю. Д. Ефремовой в 1847 году. «Писем писать не умею, хотя очень люблю получать их», — делился своей слабостью в начале 1850-х с Н. Ф. Щербиной. «...В письмах вообще как-то неохотно я выражаюсь <...>», — признавался в 1856 году А. Ф. Писемскому. Верен себе Майков остался и позднее, уведомляя, например, в одном из писем А. А. Голенищева-Кутузова: «Я уверен в том, что писем писать не умею и терпеть не могу».¹

И у Фета в письме от 1 февраля 1889 года он просит прощения за то, что не ответил даже на его «лебедей», то есть на юбилейное послание «Пятьдесят лебедей пронесли...», созданное Фетом к отмечающе-

¹ Цит. по: Майков А. Н. Письма / Публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник РО ПД на 1975 год. Л., 1976. С. 78, 72, 89.

муся 30 апреля 1888 года 50-летию его литературной деятельности. По признанию Майкова в том же письме, он в предшествующий год «некоторые письма сочинил, да и те не послал, ибо их надобно было переписать», более того, для него «самый процесс писания — отвращение» (см. письмо 5). Богатый разнообразными материалами архив поэта дает возможность сделать вывод, что очевидное исключение из общего правила составляла семейная переписка: письма к родителям, позднее жене и детям были чуть ли не ежедневной потребностью Аполлона Николаевича и писались легко.² Помимо семьи, его немногочисленными доверенными корреспондентами в разное время были близкие с юности П. М. Цейдлер, М. П. Заблоцкий, Я. П. Полонский, позднее активной была его переписка с Ф. М. Достоевским,³ с великим князем Константином Константиновичем. Любопытно, что редактирование и переписывание собственных писем (и далеко не только писем), как и копирование уже написанных, с молодости вошло у Майкова в привычку, составив особенность его творческого процесса.⁴ Одно из публикуемых ниже писем к Фету (письмо 5) именно поэтому сохранилось в трех редакциях.

Едва ли можно найти достаточные объяснения и тому, что в Майкове-корреспонденте не был заинтересован Фет, никогда не испытывавший нелюбви к «почтовой прозе». Его переписка, как хорошо известно, была на протяжении всей жизни щедрой и разнообразной, эпистолярный диалог с адресатами — содержательным и творчески насыщенным. Участником этого диалога, приходится заключить, Аполлон Майков стал лишь на короткое время празднования Фетом своего 50-летнего литературного юбилея, в отличие от участника «тройственного союза» Я. П. Полонского, с которым Фет многие годы состоял в регулярной переписке.

Ниже публикуются все известные на сегодняшний день письма Фета и Майкова. Письма печатаются по подлинникам; письма Фета — *ИРЛИ*. № 16977; письма Майкова — *РГБ*. Ф. 315. К. 13. № 47; *РГАЛИ*. Ф. 515. Оп. 1. № 27; *ИРЛИ*. № 13569, 16694, 17001.

² См. об этом, в частности, в статье «Литературный юбилей Фета в письмах А. Н. Майкова к сыновьям (К истории юбилейного послания „А. А. Фету“)» в наст. томе.

³ См.: *Майков А. Н.* Письма к Ф. М. Достоевскому // Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы. Л.; М., 1924. Сб. 2 / Под ред. А. С. Долинина. С. 332–365; *Ашимбаева Н. Т.* А. Н. Майков. Письма к Достоевскому 1867–1878 // Ашимбаева Н. Т. Достоевский: Контекст творчества и времени. СПб., 2005. С. 91–101.

⁴ В архиве поэта сохранились авторские копии писем к родителям, братьям, жене, П. М. Цейдлеру, М. П. Заблоцкому, Я. П. Полонскому и др.

1
Фет — Майкову
15 октября 1884 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом
№ 481

15 октября.

Любезный друг Аполлон Николаевич!

Если бы первые порывы поэтов не были искренны, то чтение наших стихов наводило бы или бешенство или летаргию. Вчера Страхов сообщил мне о твоём походе из-за моего Горация.¹ Как ни радует меня успех похода, но говорю от души: я несказанно более рад, что известный поэт Майков так благородно пододвинулся к моему сердцу как человек. В первую же минуту вчера я изобразил следующие вирши:

А. Н. Майкову

Кто так роскошно тогу эту
Сам как певец умел носить —²
Кому ж как не тебе поэту
И тень Горация почтить?

На Геликон ступя несмело,
От вас я блеска позайму
Гордась, что сам, хоть неумело,
Но вам обоим руку жму.

На днях Страхов, по просьбе моей, передаст тебе в переплетах все мои кропання,³ а Бог даст, зимой подпишу их, когда приду обнять тебя, так же искренно реально, как теперь обнимаю метафизически. Еще раз спасибо

преданный и уважающий тебя

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ. № 16977. Л. 5—5 об.

Датируется по содержанию и в соответствии с датировкой включенного в текст стихотворения; см. обоснование: *Фет. ССЦП*. Т. 5. Кн. 1. С. 560.

Текст стихотворения (две редакции, с вариантами) опубликован: А. Н. Майкову (На сочувственный отзыв о переводе Горация) («Кто так роскошно тогу эту...»). <1884> // *Фет. ССЦП*. Т. 5. Кн. 1. С. 169, примеч. на с. 559—560; текст письма: С. 560.

Менделеев

15 Октября

Москва

Плещиха соб. домъ

№ 481.

Модернъ Фетъ
Аполлоу Никимови

Семь первыхъ строкъ моего
и двухъ послѣднихъ, то есть
мнѣнствъ моихъ по поводу
и въ отношеніи или съ точки
зрѣнія Сиренъ сообщенныхъ
о мнѣнствѣ моего
Тараса. Какъ изречено мнѣ
уважаемаго, но совершенно
близка въ мнѣнствѣ моемъ
это сообщеніе мое. Мою
такъ благодарно и удивительно
мнѣнству сердцу какъ и мнѣнству.
Въ первый разъ мнѣнству въ
въ изобразительности въ

А. Н. Майкову.

Кому же искренно могу я
Сказать о своем чувстве
Кому же сказать, что я люблю
и что я люблю? Почему?
На что же это мне нужно,
Видеть и быть влюбленным,
Теперь, что есть, что есть,
На что же это мне нужно.

На что же это мне нужно,
Видеть и быть влюбленным,
Теперь, что есть, что есть,
На что же это мне нужно.
На что же это мне нужно,
Видеть и быть влюбленным,
Теперь, что есть, что есть,
На что же это мне нужно.
На что же это мне нужно,
Видеть и быть влюбленным,
Теперь, что есть, что есть,
На что же это мне нужно.

Письмо Фета к А. Н. Майкову от 15 октября 1884 г.

Вторая страница

Майков содействовал получению Фетом Пушкинской премии за полный перевод Горация (К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1883). Возглавляя Петербургский комитет цензуры иностранной, Майков являлся членом Пушкинской комиссии при Отделении русского языка и словесности (ОРЯС) Академии наук, его мнение было весомым аргументом в пользу присуждения Пушкинской премии Фету. 12 октября 1884 г. Н. Н. Страхов сообщил Фету о том, что ему присуждена «Академиею за Горация Пушкинская большая премия, 1000 рублей. Майков (конечно, Аполлон), который и <д>в<и>гал это дело, и был приглашен в комиссию как эксперт, очень усердствовал в заседании и находился в большой радости от успеха. Насплетничаю Вам: восемь человек подавали голоса и оказался один черный шарик. Мы тут делали догадки, но Вам знать о них незачем. / Майков просит взятки или, как он поправил меня, *благодарности*, т. е. и *Стихотворений*, и *Вечерних огней*, и *Горация*, и *Фауста*» (цит. по: *Фет/Страхов*. Дополнение. С. 548; то же: *Фет*. ССчП. Т. 5. Кн. 1. С. 560).

² В творчестве Майкова, как и Фета, античность занимала значительное место (переводы, «подражания древним», антологические стихотворения).

³ По поводу «благодарности», о которой просил Фета Майков, см. в цитированном выше письме Н. Н. Страхова (примеч. 1).

2

Майков — Фету

Середина января 1889 г. Петербург

Любезнейший Афанасий Афанасьевич!

Г-н Александров, издававший в Петербурге прекрасный «Художественный журнал»,¹ ныне подвизается в Москве на то<м> же поприще и желал бы посвятить твоему юбилею целый №.² Одобряя эту мысль, адресую его прямо к тебе.

А. Майков.

На визитной карточке с текстом: Аполлон Николаевич / Майков. Б. Садовая, 47.³

Печатается по подлиннику: РГАЛИ. Ф. 515. Оп. 1. № 27. Л. 1. Датируется предположительно серединой января 1889 г. на основании рассказа Я. П. Полонского в письме к Фету от 24 января 1889 г. о посещении его в Петербурге издателем московского журнала «Гуслир» Н. И. Пастуховым и его сотрудником Н. А. Александровым. Последний в те же дни побывал и у А. Н. Майкова (см. примеч. 2).

Александров Николай Александрович (1841—1907), журналист, художественный критик, издатель; основал и в 1881—1887 гг. издавал в Петербурге «Художественный журнал», посвященный проблемам русского изобразительного искусства; в 1891—1892 гг. вел рубрику «За кулисами у художников» в журнале «Художник», с 1896 г. редактировал журнал «Север» (см.: *Пенская Е. Н.* Александров Н. А. // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1.

С. 46). Немногочисленные письма времени его редакторства в «Художественном журнале» и «Севере», адресованные Я. П. Полонскому и А. Н. Майкову, сохранились в архивах поэтов (см.: *ИРЛИ*. № 11855, 11856, 12883, 16705).

² Сведения о деятельности Н. А. Александрова в Москве после прекращения издания «Художественного журнала» отсутствуют в статье Е. Н. Пенской (см. выше). Полонский, сообщив Фету в письме от 24 января 1889 г. о получении «от некоего г. Пастухова» телеграммы с предложением опубликовать поэму в его журнале «Гуслия», продолжал: «Но прежде чем я решился отвечать г. Пастухову, редактору и издателю „Гуслия“ (чуть не миллионеру, как уверял Майкова сотрудник журнала г. Александров), — оба они, и Пастухов, и Александров, отъявились ко мне — и стали торговаться. Александров предложил мне плату 500 руб. за лист — я согласился» (*Фет/Полонский*. С. 707, примеч. на с. 708). *Пастухов* Николай Иванович (1831–1911), литератор, журналист, издатель; основал и до конца жизни издавал ежедневную газету «Московский листок» (выходила в 1881–1918 гг.; см. о ней в статье «Литературный юбилей Фета в письмах А. Н. Майкова к сыновьям (К истории юбилейного послания „А. А. Фету“)» в наст. томе), в 1889–1890 гг. — еженедельный иллюстрированный журнал «Гуслия» (с 1891 г. под названием «Запоза»). В. А. Гиляровский, рассказавший о миллионах Н. И. Пастухова, заработанных на издании популярной у городских низов газеты, вспоминал о нем: «Когда он издавал свой журнал „Гуслия“, то Я. П. Полонскому и А. Н. Майкову он платил по 100 рублей за стихотворение <...>» (*Гиляровский В. А. Соч.*: В 4 т. М., 1989. Т. 3: Москва газетная. Друзья и встречи. С. 87). Александров печатался в «Гуслиях» в рубрике «Искусство». Полонскому он писал, видимо, вскоре после переезда в Москву: «Много я вытерпел и каюсь, что выехал из Петербурга. Москва — это такая плевалница, о жизни в которой после Петербурга невозможно и думать» (*ИРЛИ*. № 11855. Л. 5, без даты).

Материалы о юбилее Фета появились в журнале «Гуслия», хотя и не составили «целого номера» (неизвестно также, встречался ли Фет с Н. А. Александровым). На титульном листе третьего номера журнала было помещено стихотворение Фета «На пятидесятилетие Музы» («Нас отпевают. В этот день...») (Гуслия. 1889. № 3. С. 39), в том же номере, через страницу, печатался биографический очерк «А. А. Фет (Шеншин) (Биография)», начинавшийся словами: «В воскресенье, 29 января, торжественно отпразднован юбилей пятидесятилетней деятельности одного из даровитейших современных русских поэтов, Афанасия Афанасьевича Шеншина, известного в литературе под именем Фета» (Там же. С. 41–42). Ниже было опубликовано послание Л. Пальмина «А. А. Фету. 29 января 1889 г.» (Там же. С. 42). В четвертом номере журнала рубрику «Московская хроника» открывало следующее сообщение: «Торжественное празднование пятидесятилетия литературной деятельности А. А. Фета разрослось в целое событие: и петербургские, и провинциальные газеты, не говоря уже о московских, поместили на своих столбцах пространные и сочувственные статьи, посвященные юбиляру; масса телеграмм, депутации, речи, — все это свидетельствует о том, какое громадное общественное значение имел юбилей маститого поэта. / Этот юбилей дал понять, что в воззрениях общества на задачи искусства за последнее время совершился крутой поворот к лучшему... „Полвека ждал друзей я этих песен“, — говорит А. А. Фет в своем юбилейном стихотворении, и, несомненно, он их дождался... Торжественное и в то же время душевное чествование поэта-лирика, поэта-идеалиста, — явление отрадное в наше грубое, прозаическое, безыдейное время! Этот „порыв от земли в об-

ласть идеала“, так ярко, так осязательно выразившийся в поклонении представителю чистого искусства, как нельзя более утешителен. Один за другим сошли в могилу те таланты, которые, как хранители божественного огня, долгое время освещали нам путь, ведущий к уразумению вечных законов искусства; угасли эти великие светочи, оскудела талантами наша литературная нива, — и можно было опасаться, что в этих потемках свернет с прежнего пути русская читающая публика, сбивая с толку новыми толкователями, разорвавшими всякую связь с незабвенным прошлым. „Тайна богов требует чутких людей“, — сказал Я. П. Полонский в своем чудном стихотворении, посвященном юбиляру, — и вот эти „чуткие люди“ все-таки нашлись и низко, земно преклонились пред поэтом-юбиляром» (Там же. № 4. С. 59).

³ По этому адресу (ныне: ул. Садовая, 51) Майков жил с 1852 г.

3

Майков — Фету

28 января 1889 г. Петербург

Афанасию Афанасьевичу Шеншину-Фету
на 28-е января 1889 года

Когда, как бурный конь, порвавший удила,
Неудержимый стих, с путей метнувшись торных,
В пространство ринется и, с зоркостью орла
Намеченную мысль, средь пропастей ли черных
Иль в звездных высотах, — ухватит как трофей, —
О, как он тешится, один, с самим собою,
Ее еще людьми неизвестной красою
Дивясь, радостный, сам дерзости своей!..
А ты, поэт, за ним, в томительном волненье
Следивший в высотах и безднах, — в то мгновенье
Как победителем он явится к тебе,
В блаженстве равного ты знаешь ли себе?..

Тебе знакома, Фет, знакома эта радость!
Таких трофеев полн тобой созданный храм!
И перейдут они в наследие векам,
И свежесть сохраняя и аромата сладость,
Играя радуги цветами — и одним
Помечены тавром и вензелем твоим.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 13. № 47. Л. 1—1 об.

Впервые опубликовано: Московский листок. 1889. 29 января. № 29. С. 3. Перепечатано: МВед. 1889. 30 января. № 30. С. 4; в ряде других газет; также: РВ. 1889.

А. Н. Майков.
Фотография А. Кудрявцева. Петербург, 1890-е гг.

№ 2. С. 233—234 (под номером «I», под общим заглавием «А. А. Фету (В день его 50-летнего юбилея 28 января 1889 г.)» с юбилейным посланием Я. П. Полонского — II. «Ночи текли — звезды трепетно в бездну лучи свои сеяли...»).

4

Фет — Майкову
29 января 1889 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

29 января 1889.

Дорогой друг Аполлон Николаевич!

Пользуюсь несколькими минутами перед официальным обедом,¹ чтобы поблагодарить тебя за прелестное стихотворение, полученное мною вчера.² К сожалению, долго, вероятно, придется России дожидаться такого могучего укротителя коней, мечущихся с торных путей, каким был А. Н. Майков в течение полувека. В этом случае³ красивые стихи твои скорее относятся к тебе, наш могучий Мессап,³ а не ко мне, смиренно стрекочущей Цикаде. В минуту писания этих строк зашел ко мне Лев Толстой,⁴ смотрящий не без презрения на нашего брата стихотворца;⁵ но и тот, когда я прочел ему вслух твое и Полонского стихотворения,⁶ сказал: «Стихотворения, написанные по известному поводу, всегда носят известный отпечаток преднамеренности; но в стихотворениях, прочтенных Вами, видно свободное вдохновение, и в них полностью сказалось все, что, с одной стороны, видно было Майкову, а с другой — Полонскому». Я считаю эти слова в устах врага⁷ торжеством красоты твоей Музы, вроде заслуженной Еленой от старцев на Скейской башне.⁸ Дай Бог мне дожить до возможности горячо обнять тебя в действительности так же, как я это исполняю в настоящее время мысленно.⁶

Искренно преданный
и признательный

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ. № 16977. Л. 1—1 об.; текст рукой Е. В. Федоровой, заключительная фраза и подпись — автограф. Письмо (полностью не опубли.) неоднократно упоминалось и цитировалось, преимущественное внимание уделялось словам Толстого. См. упоминания в публикациях: И. Г. Ямпольского («29 января 1889 г. Фет сообщил Майкову, что его и Я. П. Полонского послания, обращенные к Фету, похвалил Л. Н. Толстой»; см.: *Майков А. Н. Письма* / Публ. И. Г. Ямпольского // *Ежегодник РО ПД* на 1978 год. Л., 1980. С. 205), Л. С. Гейро

Далее начато и зачеркнуто: сти<хи>

⁶ Далее рукой Фета.

(Майков А. Н. Соч.: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 562), П. А. Гапоненко (Письмо А. А. Фета к А. Н. Майкову <от 1 марта 1889 г.> // РЛ. 1988. № 4. С. 180) и др.

¹ Официальный обед в московском ресторане «Эрмитаж» в честь 50-летия литературной деятельности Фета состоялся 29 января 1889 г.; отчеты о юбилейных торжествах 28 и 29 января были опубликованы в ряде петербургских и московских газет (см. подробнее в статье «Литературный юбилей Фета в письмах А. Н. Майкова к сыновьям (К истории юбилейного послания „А. А. Фету“)» в наст. томе).

² Стихотворение, впоследствии получившее заглавие «А. А. Фету. В день его 50-летнего юбилея 28 января 1889 г.» («Когда, как бурный конь, порвавший удила...») (см. письмо 3); см. о нем выше, в той же публикации.

³ Мессап — сын Посейдона, легендарный царь Этрурии, укротитель коней.

⁴ Толстой не принимал участия в юбилейных торжествах Фета, отрицательно относясь к самой идее торжеств. За две недели до юбилейной даты, 14 января 1889 г., он записал в дневнике: «...жалкий Фет с своим юбилеем. Это ужасно! Дитя, но глупое и злое» (Толстой. Т. 50. С. 23). На официальном обеде в ресторане «Эрмитаж» 29 января присутствовала только С. А. Толстая, которая, как сообщал Фет Полонскому в письме от 7 января, была среди тех, кто «хлопотал» об устройстве этого обеда (см.: Фет/Полонский. С. 702; см. также о присутствии на обеде С. А. Толстой в статье «Литературный юбилей Фета в письмах А. Н. Майкова к сыновьям (К истории юбилейного послания „А. А. Фету“)» в наст. томе). О посещении Фета Толстой оставил запись в дневнике 29 января: «Встал рано, нездоровится. Убрал, пошел к Фету» (Толстой. Т. 49. С. 30).

⁵ Я. П. Полонский писал Фету 24 января: «Что касается до графа Льва, то он, конечно, на юбилее твоём не будет, ибо, я слышал, проклинает всех поэтов и всякую поэзию — развратительницу рода христианского!» (Фет/Полонский. С. 707). Резкие высказывания Толстого в 1880-е и более поздние годы о поэзии как сфере творческой деятельности и о стихотворной форме многочисленны и широко известны. Они зафиксированы в беседах и интервью с писателем, в мемуарах современников. Характерна запись в дневнике Толстого от 30 января 1889 г., сразу после празднования юбилея Фета: «После обеда Попов стихотворец юноша. Удивил его, сказав, что это самое подлое занятие. Пошел к Фету. Там обед. Ужасно все глупы. Наелись, напились и поют. Даже гадко. И думать нечего прошибить» (Толстой. Т. 49. С. 31; Б. Н. Попов, автор сборника «Стихотворения» (М., 1889)). Приобрел известность один из афоризмов Толстого (более позднего времени): «Писать стихи — это все равно что пахать и за сохой танцевать. Это прямо неуважение к слову» (Гусев Н. Н. Два года с Толстым. М., 1973. С. 84; запись от 13 января 1908 г.).

⁶ Юбилейное послание Я. П. Полонского «В день пятидесятилетнего юбилея А. А. Фета (1889 г. 28-го января)» («Ночи текли — звезды трепетно в бездну лучи свои сеяли...»).

⁷ Имеется в виду враждебность Толстого к поэзии.

⁸ Фет ссылается на известную сцену в «Илиаде» (песнь 3, ст. 149—158) и ее переложение «Сидели старцы Илиона...» (1869) А. Н. Майкова. Ср.:

Сидели старцы Илиона
В кругу у городских ворот;
Уж длится града оборона
Десятый год, тяжелый год!

Они спасенья уж не ждали,
И только павших поминали,
И ту, которая была
Виною бед их, проклинали:
«Елена! ты с собой ввела
Смерть в наши дома! ты нам плена
Готовишь цепи!!!...»

В этот миг
Подходит медленно Елена,
Потупя очи, к сонму их;
В ней детская сияла благодать
И думы легкой чистота;
Самой была как будто в тягость
Ей роковая красота...
Ах, и сквозь облако печали
Струится свет ее лучей...
Невольно, смолкнув, старцы встали
И расступились перед ней.

(Майков А. Н. Соч. Т. 1. С. 202). Ср. также высказывание Толстого «Искусство быть скучным», вошедшее в воспоминания Т. Л. Сухотиной-Толстой: «Помните ли, как Гомер описывает красоту Елены? „Когда Елена вошла, увидев ее красоту, старцы встали“ Простые слова, но вы видите, как перед мощью этой красоты встают старцы. Не нужно было описывать ее глаза, рот, волосы и т. д. Каждый может вообразить Елену по-своему. Но каждый чувствует силу красоты, перед которой встали старцы. / И в заключение отец цитирует Вольтера: „Искусство быть скучным — это сказать все“» (Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. М., 1980. С. 417). В «Илиаде» Скейская башня — крепостная башня у западных ворот Трои.

5

Майков — Фету
1 февраля 1889 г. Петербург

Любезный друг Афанасий Афанасьевич!

Твое письмо от 29 января¹ разом раскрыло сотни ран на моей совести, а я уж стал было их забывать. Дело в том, что ни на твоих лебедей,² никому, ни на единый привет — я не отвечал, кроме как печатно.³ Просбирался целое лето; некоторые письма сочинил, да и те не послал, ибо их надобно было переписать. Для меня самый процесс писания — отвлечение; а уж что нынче стали делать с письмами исследователи литературы, глубокие психологи-психопаты,⁴ — это уж совсем омерзило мне письмо. Теперь же взялся за перо только в свою защиту. Я выразил в своих стихах тебе именно то, что люблю в твоих и что может быть не всем заметно.⁵ Да на это свое свойство ты сам когда-то указывал. Помнишь ли, ты говорил, что только то и есть поэзия, когда поэт бросает-

ся с пятого этажа?⁶ Ну вот, ты и бросался, и это-то меня всегда и пленяло и пленяет, и на это я и хотел указать в моем послании, попробовав сам пуститься за тобою. Благополучно ли пропутешествовал — не знаю. Пока еще боли не чувствую, но ведь она в таких случаях оказывается и не вдруг, и твое письмо, пожалуй, будет очень полезным бальзамом, как предохранительное средство. А как-то ты себя чувствуешь после всех этих передрыг юбилейных дней?

Дай-то бог, чтобы всё обошлось благополучно.

Твой — *corps et âme*^a и пр.

1889

1-е февр.

А. Майков.

На конверте:

Его высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину.
В Москве.

На Плющихе, в собственном доме.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 1 февраля 1889; 2) Москва, 2 февраля 1889.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 13. № 47. Л. 3—3 об.

¹ См. письмо 4.

² Имеется в виду празднование 50-летия литературной деятельности Майкова 30 апреля 1888 г. и послание Фета «На юбилей А. Н. Майкова. 30 апреля 1888 года» («Пятьдесят лебедей пронесли...»); см. текст и примеч.: *Фет. ССЦП*. Т. 5. Кн. 2. С. 28, примеч. на с. 303—306.

³ Вероятно, «печатным» ответом на многочисленные поздравления в связи с литературным юбилеем Майков назвал свои благодарственные слова, обращенные к поздравителям; см., например: Юбилей А. Н. Майкова // *РВ*. 1888. № 6. С. 295—309.

⁴ Скорее всего, Майков имеет в виду статью И. А. Гончарова «Нарушение воли» (1889). Хотя она была опубликована только через месяц, в № 3 «Вестника Европы», Майков, близко знакомый с Гончаровым с 1835 г. (в качестве домашнего учителя Гончаров готовил его к поступлению в университет), наверняка знал ее содержание. И до статьи Гончарова в печати звучали протесты против публикации писем писателей, особенно имеющих частный, интимный характер. На эти протесты ссылается и Гончаров в статье «Нарушение воли». Обратившись к М. М. Стасюлевичу с просьбой предоставить корректуру статьи для ознакомления ряду лиц, в том числе А. Ф. Кони, Гончаров отметил: «Он был очень доволен, узнав, что я написал статью о занимающем всех вопросе» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке: В 5 т. СПб., 1912. Т. 4. С. 208). На просьбу Фета разрешить напечатать в своих воспоминаниях его письмо Гончаров в письме от 19 ноября 1888 г.

^a телом и душой (*франц.*).

ответил отказом: «Et tu Brute! восклицаю я в страхе и в трепете. Я ли не воевал словесно <...> против обычая печатать интимные письма, писанные к одному лицу и для одного этого лица?» (РА. 1900. № 2. С. 69).

⁵ Речь идет о стихотворении «Афанасию Афанасьевичу Шеншину-Фету на 28-е января 1889 года» («Когда, как бурный конь, порвавший удила...») (впоследствии под заглавием «А. А. Фету в день его 50-летнего юбилея 28 января 1889 г.»). См. письмо 3, подробнее см. в статье «Литературный юбилей Фета в письмах А. Н. Майкова к сыновьям (К истории юбилейного послания „А. А. Фету“)» в наст. томе.

⁶ Майков имеет в виду статью Фета «О стихотворениях Ф. Тютчева» (1859). О подлинном лирике-поэте Фет писал: «Лирическая деятельность тоже требует крайне противоположных качеств, как, напр., безумной, слепой отваги и величайшей осторожности (тончайшего чувства меры). Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик. Но рядом с подобной дерзости в душе поэта должно неугасимо гореть чувство меры» (Фет. ССЛП. Т. 3. С. 186—187). Этому убеждению Фет был верен в течение всей жизни. В 1890 г. Я. П. Полонский гостил в имении Фета и в письме к Майкову передал его слова: «Поэзия есть не что иное, как безумие, а потому она и ближе к истине... Если поэт не сумасшедший, то какой же он поэт!» (цит. по: Майков А. Н. Письма / Публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник РО ПД на 1978 год. Л., 1980. С. 205; подлинник: ИРЛИ. № 11753. Л. 35).

5а

Черновая редакция

Л. д. А. А.

Твое письмо [смутило меня невыразимо, разом раскрыв бесчисленно], разом раскрыло сотни ран на моей совести, а уж я было стал их забывать. Дело в том, что ни на [твой привет] твоих лебедей, никому, ни на единый привет прошлого года — я [никому] не ответил. Просбирался целое лето, некоторые письма написал, да и те не послал, ибо их надобно [бы] было [переписать] переписывать. [А] Для меня самый процесс писания — отвращение, а уж что нынче стали делать с письмами исследователи литературы, глубокие психологи-психопаты, это уж совсем омерзило мне письмо. Теперь же [пиш<у>] взялся за перо [чтоб] только в свою защиту. Я выразил в своих стихах тебе[,] именно то, что люблю в твоих. Да на это свое свойство ты сам когда-то указывал. Помнишь ли, ты говорил, что только то и есть поэзия, когда поэт бросается с пятого этажа? Ну вот ты и бросался, и это-то [мне] меня всегда и пленяло и пленяет, и на это я и хотел указать в моем послании, попробовав сам пуститься за тобою. Благополучно ли пропутешествовал — не знаю.^а Пока еще боли не чувствую, но ведь она в таких случаях оказывается и^б не вдруг, и твое милое письмо, пожалуй, будет очень полезным бальзамом, как предохрани-

^а Фраза вписана.

^б Слово вписано.

тельное средство. А как-то ты себя чувствуешь после всех этих передрыг в последние дни? Дай-то бог, чтоб все [прошло] обошлось благополучно.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 16694. Л. 1—1 об. На л. 2 об. помета: «К Фету». Опубликовано (с датой: «<Конец января — начало февраля 1889>»): *Майков А. Н. Письма* / Публ. И. Г. Ямпольского // *Ежегодник РО ПД* на 1978 год. Л., 1980. С. 204, примеч. на с 205.

56

Копия черновой редакции

Люб. др. Афан. Афан-ч. Твое письмо разом раскрыло сотни ран на моей совести, а уж я — было стал их забывать. Дело в том, что ни на твоих лебедях, никому, ни на единый привет прошлого года — я не отвечал. Просби́рался целое лето, некоторые письма сочинил, да и те не послал, ибо их надо было переписать. Для меня самый процесс писания — отвращение; а уж что нынче стали делать с письмами исследователи литературы, глубокие психологи-психопаты — это уж совсем омерзило мне письмо. Теперь же взялся за перо только в свою защиту. Я выразил в своих стихах тебе именно то, что люблю в твоих. Да на это свое свойство ты сам когда-то указывал. Помнишь ли, ты говорил, что только то и есть поэзия, когда поэт бросается с пятого этажа? Ну вот, ты и бросался, это-то меня всегда и пленяло и пленяет, и на это я и хотел указать в моем послании, попробовав сам пуститься за тобою. Благополучно ли путешествовал, не знаю. Пока еще боли не чувствую, но она в таких случаях оказывается и не вдруг, и твоё милое письмо, пожалуй, будет очень полезным бальзамом, как предохранительное средство. А как-то ты себя чувствуешь после юбилейных передрыг? Дай-то бог, чтобы все обошлось благополучно. Твой и пр.

А. М.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 17001. Л. 44 об.; копия в письме А. Н. Майкова к сыновьям от 2 февраля 1889 г., после копии письма Фета от 29 февраля 1889 г.

6

Майков — Фету

26 февраля 1889 г. Петербург

Дорогой друг и товарищ! Ура! Ура! Сейчас прочел в «Правительственном вестнике», что ротмистр Шеншин пожалован в камергеры,¹ и кричу: ура! Может быть, такой порыв тебе и не понравится, но для меня царская санкция есть высшее признание доблести, заслуги,

а здесь еще награждается доблесть и заслуга под знаменем чистой поэзии. Без этой санкции не полон был твой юбилей.² Слава же Тому, кто сердцем это угадал и произнес Свое слово.* Так я думаю, а до прочих мне нет дела.

Обнимаю тебя на радости!

Твой

А. Майков.

1889

26 февр.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ. № 13569. Л. 1.

См.: Правительственный вестник. 1889. 26 февраля. № 46. С. 1. Ротмистр (штабс-ротмистр) — старший обер-офицерский чин в кавалерии, соответствовал 9 классу по Табели о рангах. Фет был произведен в штабс-ротмистры 6 декабря 1851 г. во время службы в Кирасирском Военного Ордена полку (*Летопись* (1994). С. 300). Камергер — придворный чин (звание) 4 класса по Табели о рангах.

² О своих «упованиях» на получение звания камергера в связи с литературным юбилеем Фет написал великому князю Константину Константиновичу еще в июне 1888 г. О хлопотах последнего в придворно-чиновничьих кругах см. подробнее во вступит. статье М. И. Трепалиной к переписке Фета с К. Р., а также в их переписке декабря 1888 — февраля 1889 гг. и примеч. к ней: *Фет/К. Р.* С. 573, 588, 696—698, 700, 740—743, 751—752; письма 51, 52, 67—69, 77—79. 20 января 1889 г. великий князь Константин Константинович сообщал Фету: «Я близко принимаю к сердцу ваши упования и скажу вам, что вы дождетесь их осуществления, если и не 28-го числа, то немного позже. В гражданском мире, как и в военном, награды и производства выпадают большею частью лишь в известные, раз навсегда определенные дни; 28 января не принадлежит к их числу, и вот почему вам надо будет несколько подождать» (Там же. С. 742). 27 февраля он поздравил Фета телеграммой с оказанной ему «Монаршей милостью» (Там же. С. 751).

³ 26 февраля ст. ст. — день рождения императора Александра III (1845—1894).

7

Фет — Майкову

1 марта 1889 г. Москва

МОСКВА

Марта 1-го.

Плющиха, соб. дом

Дорогой друг Аполлон Николаевич!

Сунув в мирную кадку с водою огненными звездами брызжащее железо, не изумляйся порывистому и хаотическому бурчанию фонта-

* и как хорошо: в день своего рождения!³ — *Примеч. Майкова.*

ном поднявшейся воды. Не удивляйся и ты, разом запустивший в глубину души моей лучезарный светоч твоего ума, что я в ответ тебе пробормочу несколько бессвязных слов, смысл которых тебе придется скорее угадывать, чем вычитывать. Второй раз со времени моего юбилея я несказанно отрадно тронут: неожиданным приветствием офицеров л<ейб>-гв<ардии> Уланского полка¹ и твоими поистине драгоценными для меня строками. Если бы ты, наш умница, поэт-мыслитель, написал мне даже величайшую пошлость с тем задушевым и дружеским оттенком,^а который проявляется в твоём письме, то я и тогда был бы совершенно счастлив. Всезрящим оком поэта смотря в лицо идеям вещей, ты выразил всю нашу тройственную поэтическую судьбу словами: «три мальчика».² Милый Полонский, вспоминая эти слова, комически прибавляет: «хороши мальчики!».³ Смейтесь, господа, сколько угодно; но в правдивой истории литературы этим трем мальчикам суждено неразрывно оставаться *тремя мальчиками* или *тремя юбилеями*. Могут явиться не токмо блестящие звезды, даже^б кометы вдобавок к прежним, но три звезды пояса Ориона⁴ от этого не потеряют ни места своего, ни значения. Каковы бы в глазах читателя ни были эти три звезды как поэты — (один любит попа, другой — попадью, третий — попову дочку), — но если эти три звезды, воссиявшие единственно глубочайшими и нежнейшими влечениями сердца, не питают этой нежности взаимно один к другому, я готов им сказать: вы, господа, быть может, высочайшие виртуозы, но вы, к сожалению, фарисеи.

Позволь же, дорогой друг, обнять тебя со всею искренностью задушевной симпатии. Но актом дружеского рукопожатия не исчерпывается твоя победа надо мною. Ты и не подозреваешь, до какой степени восхитил меня атлетической целостью своего духа. Ты видишь, вот он — лизипповский борец;⁵ это он скребком счищает с себя пот и елей. Ты видишь, он никогда не ставит себе пива, не принимает слабительного и не знает никаких лекарств. Если тебе это не нравится, ступай в *аптеку подмастерья*, а я, напротив, в душе уважаю только цельных и самобытных людей. Я не сумел бы сам выразить яснее и короче всех основных помыслов и ощущений своих, чем это сделал ты. Поэтому пускаться здесь в объяснения значило бы повторять твои слова насчет Высочайшей санкции.⁶ При современной популяризации всяческих мыслей выходит весьма плачевная картина. Каждый неумелый дурак кроит и шьет готовое платье и сует его в один шкаф с хорошим. Затем каждый дурак уверен, что он сам способен выбирать себе костюм. И действительно является в костюме, состряпанном дураками.

^а Далее начато и зачеркнуто: прояв

^б Было: или (исправлено рукой Фета).

Всех учить и переделывать я не в силах; но зато я не желаю плясать под дудку дураков. Кто же в силах убедить меня, что веровать в небывалую коммуноу *достойно и праведно есть*, а носить в русском сердце излюбленное народом самодержавие — позорно? Вообрази, что в интеллигентной среде я чую зловоние подобного веяния. Ты можешь себе представить, с какой симпатией я к нему отношусь! В непродолжительном времени надеюсь прибыть к тебе и, обняв от души, натолковаться всласть о нашем общем заветном убеждении, по пословице: «что у кого болит, тот про то и говорит». Как характерны твои заключительные слова: «А до других мне дела нет».⁷ Недаром граф Олсуфьев⁸ сказал: *vous les^b ferez enrager.*^c Дружеское тебе спасибо.

Твой старый
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 16977. Л. 3—4 об. Текст рукой Е. В. Федоровой, заключительная фраза и подпись — автограф. Опубликовано (с рядом неточностей в комментарии и указанием на письмо Майкова от 26 февраля как несохранившееся): Письмо А. А. Фета к А. Н. Майкову <от 1 марта 1889 г.> // Публ. П. А. Гапоненко // *РЛ*. 1988. № 4. С. 181.

Я. П. Полонскому Фет писал 3 февраля: «Особенно тронули меня братским приветом после тридцати лет гвардейские уланы» (*Фет/Полонский*. С. 712). В лейб-гвардии Уланском Его Величества полку Фет служил с 1853 по 1858 г. Текст присланной однополчанами поздравительной телеграммы см.: Там же. С. 713.

² Имеется в виду юбилейное послание А. Н. Майкова «Я. П. Полонскому» («Тому уж больше чем полвека...», 1887) к 50-летию его литературной деятельности; см. о нем в статье «Литературный юбилей Фета в письмах А. Н. Майкова к сыновьям (К истории юбилейного послания „А. А. Фету“)» в наст. томе.

³ Фет вспоминает письмо Полонского от 8 октября 1888 г. со словами: «Хороши мальчишки! нечего сказать! даже и не верится, что и мы бегали взапуски и учились азбуке...» (*Фет/Полонский*. С. 679); см. о нем подробнее в указанной статье.

⁴ Пояс Ориона (астеризм в созвездии Ориона) состоит из трех звезд: Альни-так, Альнилам, Минтака; опоясывает фигуру охотника в изображениях созвездия.

⁵ *Лисипп* (IV в. до н. э.), греческий скульптор.

⁶ Фет реагирует на слова Майкова в письме от 26 февраля (письмо 6).

Слова из того же письма.

⁸ О генерал-лейтенанте графе Алексее Васильевиче *Олсуфьеве* (1831—1915), филологе-дилетанте, блестящем знатоке истории и культуры Древнего Рима, см.: *Асланова Г. Д.* 1) Примечания // *Фет. СПП*. С. 444—447; 2) *Письма к Олсуфьеву* (50). С. 214—245.

^a *Далее зачеркнуто*: *ferais*

вы их приведете в ярость (*франц.*). *Далее рукой Фета.*